

КНИГИ ЖАН-МИШЕЛЯ ГЕНАССИЯ

Клуб неисправимых оптимистов

Земли обетованные

Удивительная жизнь Эрнесто Че

Обмани-Смерть

Вальс деревьев и неба

О влиянии Дэвида Боуи на судьбы юных созданий

Будь что будет

ЖАН-МИШЕЛЬ
ГЕНАССИЯ

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ
ЭРНЕСТО ЧЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 34

Jean-Michel Guenassia
LE VIE RÊVÉE D'ERNESTO G.
Copyright © Éditions Albin Michel — Paris 2012
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

Перевод с французского Елены Клоковой

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-34452-5

© Е. В. Клокова, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Все пражские Капланы были врачами. Профессия передавалась по наследству от отца к сыну на протяжении жизни десятилетия поколений. Дед Йозефа, профессор Густав Каплан, составил генеалогическое древо семьи, проследив корни до начала семнадцатого века, а потом увековечил свое имя в истории медицины, открыв кожную болезнь, изуродовавшую одну из племянниц императора Франца-Иосифа.

Больше пятидесяти лет Густав Каплан колесил по империи, скрупулезно выясняя даты рождений, венчаний, бракосочетаний и кончин, случившихся в те времена, когда каждая женщина производила на свет кучу детишек, а акты гражданского состояния были весьма приблизительны, как и границы между государствами. В составленном Густавом документе были, конечно, и подчистки, и знаки вопроса, и пробелы, но ему таки удалось воссоздать историю плодовитых, как кролики, врачей Капланов.

Йозеф часто вспоминал, как его отец Эдуард, имевший кабинет в красивом доме на улице Капровой, доставал из зеленого кожаного тубуса бесценный пергамент длиной в полтора метра, раскладывал его на столе в столовой и начинал объяснять хитросплетения семейного прадерева. Некоторые линии сходились, а иногда и пересекались весьма затейливым и даже двусмысленным образом. Йозеф слушал и делал выводы, но считал за лучшее держать их при себе. Было совершенно очевидно, что в роду Каплан нередко заключались браки между кузенами, дядьями и племянницами. В те далекие времена в закрытых сообществах превалировал инстинкт выживания.

Возможно, именно браки, заключавшиеся между кровными родственниками, стали причиной неразумия этих людей и того

фатального заблуждения, которое позже привело к их полному исчезновению. Евреи убеждали себя, что им выпала исключительная удача — жить под властью Габсбургов, и в конце концов поверили, что австрийцы и пруссаки — их друзья, так что, когда появились красавцы-чернорубашечники, никто не испугался.

Йозеф часто задавался вопросом, почему им с отцом было так трудно пробиваться сквозь стену глухого мучительно-го молчания в отношениях друг с другом. Может, они просто не умели разговаривать? Или виной всему своего рода эмоциональный ступор, когда люди уподобляются немтырям и выражают мысли и чувства не словами, а заговорщицкими улыбками. Каждый думает — слова могут ранить и все испортить — и запирает их на самом дне души, слова копятя и с годами складываются в непробиваемую стену.

Йозеф не мог осознать значения Первой мировой войны. Пражанам она казалась чем-то далеким, этакой игрой для взрослых. Йозефу было восемь лет, когда эта «игра» закончилась, ко всеобщему удовольствию, созданием Чехословацкой республики. Образованием Йозефа занималась его мать. Тереза учила сына французскому и немецкому (на этом языке она говорила лучше) и намеревалась заняться с ним еще и русским — чтобы он мог читать Пушкина в оригинале. Тереза обожала вальс, эту музыку счастья, но ее муж Эдуард танцором был никаким, смешным выглядеть не желал и наотрез отказывался «выставляться». Тереза решила научить вальсировать сына и ужасно удивилась, обнаружив, что он знает все движения.

— Какой же ты красивый, мой маленький принц, и танцуешь, как истинный венец, — приговаривала она, кружась в вальсе.

Мать и сын почти каждый день упражнялись в гостинной, и она иногда забывала, что ее «партнеру» всего восемь лет, — так хорошо танцевал Йозеф.

Два года спустя эпидемия гриппа, прозванного «испанкой», выкосила население страны: жертв было во много раз больше, чем на войне.

Йозефу исполнилось десять лет. Его отец был в отъезде, мать недомогала, чувствовала усталость, ее мучил кашель. Она сделала сыну традиционный подарок — книгу издательства Этцеля с изумительными иллюстрациями. Йозеф надеялся получить очередной том любимого Жюль Верна, но на сей раз ему досталась «История ученого, рассказанная невеждой» Рене Валлери-Радо — биография Луи Пастера, вышедшая из-под пера его зятя. Йозеф был разочарован, но чувств своих не выдал, книгу пролистал, выразил восторг и сказал, что обязательно прочтет ее во время каникул.

Терезе становилось все хуже, появились проблемы с дыханием. Когда Йозеф видел мать последний раз, лицо ее было синюшным, да — синим, как ночное небо, она с трудом приподняла руку и не разрешила ему подойти. Через неделю Тереза умерла от пневмонии.

Свет детства померк.

Йозеф не горевал и не плакал. «Какой мужественный мальчик!» — умилялись окружающие, а он просто не осознавал, что больше никогда не увидит мать. Эдуард был в Вене, на эпидемии, ему сообщили слишком поздно, и он едва успел к похоронам. Отец Йозефа всю оставшуюся жизнь корил себя за то, что его не оказалось рядом, когда жена нуждалась в нем больше всего. У доктора Каплана не было лекарства, чтобы победить болезнь, но он все равно думал, что сумел бы спасти Терезу, поделившись с ней своей силой и воззвав к милосердию Всевышнего.

— Знаешь, сын, будь я здесь, могло бы случиться чудо. Понимаешь?

Йозеф кивнул. Больше они об этом никогда не говорили, но он спрашивал себя, почему чужие люди оказались для отца важнее жены. Отец и сын часто ходили на кладбище, стояли, взявшись за руки, у могилы Терезы; Эдуард произносил молитву и крепко прижимал мальчика к себе.

Йозеф так и не прочел замечательную книгу Валлери-Радо.

Он поставил биографию Пастера на полку книжного шкафа и забыл о ней. С годами Йозеф забыл и мать, и свою горькую детскую злобу: он так ее любил, а она его бросила.

В 1923-м, в год бар-мицвы¹ Йозефа (Эдуард не был религиозен, но настоял на соблюдении традиций — к неудовольствию сына), они отправились на две недели в Карловы Вары. Доктор Каплан каждый год ездил на воды, чтобы подлечиться и отдохнуть от многотрудной пражской жизни. В гостинице он познакомился с австриячкой Катариной, вдовой с двумя детьми, крупной, но очень элегантной женщиной. Они нанимали экипаж, брали корзинку с пряниками и разноцветными леденцами и совершали долгие прогулки по окрестностям. Им было весело, они много смеялись и наслаждались сладостным чувством уединения в огромном мире.

Прошло несколько месяцев, и как-то раз, после ужина, Эдуард отложил газету и сказал:

— Нам нужно поговорить, сын.

Отец сообщил Йозефу, что случайно встретился с Катариной во время очередной поездки в Вену, что она очень достойная женщина из хорошей семьи, что они питают друг к другу глубокое чувство и хотят связать свои судьбы. Катарина будет хорошей матерью Йозефу — она любит его, как своих собственных детей. В их пражском доме достаточно комнат, Катарина поселится у них, и они наймут еще одну служанку.

— Ты ведь ладишь с ее сыновьями?

— Да, они хорошие ребята.

— Прежде чем просить ее руки, я решил узнать, как ты отнесешься к нашему браку.

Йозеф смотрел на отца и молчал. Катарина была веселой и заботливой, читала на хорошем французском стихи Жерара де Нерваля, подарила ему «Сильвию»², написав на форзаце: «В память о наших чудесных прогулках», — так с чего ему возражать?

— Честно говоря, мне бы не хотелось. Нам и так хорошо.

¹ *Бар-мицва* — в иудаизме обряд инициации, означающий, что еврейский мальчик, достигший 13 лет, становится совершеннолетним в религиозном отношении и возлагает на себя все религиозные обязанности. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² «Сильвия» — повесть Жерара де Нерваля (Жерар Лабрюни, 1808–1855), французского прозаика и поэта-романтика.

Эдуард выпрямился, кивнул, как будто его сын только что сформулировал математический постулат или неоспоримую истину, и ушел к себе. Йозеф был уверен, что отец пренебрежет его мнением, но Эдуард больше ни разу даже имени Катарины не упомянул. «Раз он так легко отступился, значит все было несерьезно», — решил Каплан-младший. История была похоронена и забыта, но на воды в Карловы Вары они больше не ездили и стали проводить лето в Баварии.

Иногда Йозеф перехватывал взгляд отца, устремленный в пустоту, и спрашивал себя: «Неужели он все еще думает о ней?»

В годы учебы в университете Йозеф участвовал в создании Движения пражских студентов-социалистов, был избран сначала секретарем, потом председателем секции студентов-медиков, куда в разные годы входило от семи до двенадцати человек. Преподаватели и ректор терпеть не могли Йозефа за его пламенные речи во славу бесплатной медицины. Он был ярым сторонником контрацепции (в том числе для несовершеннолетних), писал о необходимости внедрения метода Огино¹ как лучшей системы регулирования рождаемости, за что его люто ненавидели благонамеренные обыватели. Йозефу удалось немислимое: кардинал и главный раввин Праги заключили временное перемирие, чтобы направить декану медицинского факультета совместный протест против «безобразий» наглого студента.

Эдуард не понимал сына. Откуда в мальчике эта яростная агрессивность? Почему отец вынужден стыдиться собственной плоти и крови? Что он упустил в воспитании Йозефа, как случилось, что тот превратился в нечестивца-безбожника? Эдуарда пугали не неприятности, он боялся, что сын станет изгоем и все усилия сделать из него человека пропадут втуне. Что толку призывать Йозефа к послушанию, твердить, что человек его происхождения и круга не должен дразнить власти, если он даже отца записал в ископаемые окаменелости, которых ветер революции сметет со страниц Истории? Что можно объяснить

¹ Метод контрацепции Огино-Клаусса, или календарный метод расчета так называемых безопасных дней.

человеку, шатающемуся по ночным улочкам в компании таких же, как он, безумцев (отбросы, чернь!), распевая во все горло: «Наконец-то подул свежий ветер социализма! Он прикончит всех буржуев...»

Тонкими чертами лица, непокорной шевелюрой и горделивой осанкой Йозеф напоминал одного из молодых флорентийцев с полотен Гирландайо¹, чья безмятежная улыбка с первого взгляда покоряет сердца зрителей. Он вел беспорядочную жизнь, дружил с молодыми повесами-сюрреалистами и весельчаками-коммунистами, проводил ночи в «Шапо Руж», упиваясь игрой американских диксилендов². Предпочтение Йозеф отдавал «Люцерне» и «Гри-Гри»: в этих дансингах до утра без перерыва играли вальсы, яву и танго. Дамы отдавались ему в танце, как вечные возлюбленные, утверждая, что он непревзойденный танцор и заставляет их терять голову, что было лучшим комплиментом, который могли сделать ему женщины.

Йозефа до глубины души потрясал неземной, вкрадчивый голос Карлоса Гарделя³.

Карлито — так он его любовно называл — был главным человеком в жизни Йозефа. Он собрал полную коллекцию пластинок Гарделя, записанных в Аргентине (за них пришлось отдать немислимые деньги), однако нередко открывал для себя новые названия. Один музыкант-мексиканец перевел Йозефу тексты некоторых волшебных песен, но на чешском они звучали простовато, и он выучил их на языке оригинала. Когда в 1935-м Гардель трагически погиб в авиакатастрофе, Йозеф почувствовал себя сиротевшим. Он слушал его часами напролет и плакал, не понимая, что терзает его сильнее — бесконечно печаль-

¹ *Доменико Гирландайо* (1449–1494) — итальянский живописец эпохи Раннего Возрождения. Представитель флорентийской школы.

² *Диксиленд* — название джазовых ансамблей, состоящих из белых исполнителей, подражающих традиционным темнокожим джазовым коллективам и играющих джаз в новоорлеанском стиле.

³ *Карлос Гардель* (1890–1935) — аргентинский певец, композитор и актер. 11 декабря — день рождения Гарделя, отмечается как Международный день танго.

ная музыка или несправедливость преждевременного ухода музыканта. Йозеф стал стричься «под Гарделя» — пробор с правой стороны и немного помады для волос. Он отказался от небрежного стиля в одежде и начал носить элегантные, слегка приталенные костюмы, галстук в полоску или бабочку с шелковым платочком в тон.

Йозеф пел «*Volver*»¹, не понимая смысла слов, иногда в его голосе звучала та самая «слеза», которая делала эту песню такой трогательно-волнующей.

Однажды, слегка подвыпив, он сообщил своей новой пассии — они стояли на Карловом мосту и смотрели, как восходящее солнце золотит Дворец призраков², — что собирается стать бандонеонистом³.

Три недели Йозеф со страстью неопита учился игре на аккордеоне, но инструмент оказался ему не по зубам, и он бросил занятия.

По случаю получения сыном диплома врача Эдуард подарил ему костюм из черной альпаки и пригласил в «Европу», один из лучших пражских ресторанов. Йозеф с удивлением обнаружил, что метрдотель и многие официанты хорошо знают отца. Эдуард называл их по именам, они приветствовали его как завсегдатая и точно помнили, какие блюда и вина он предпочитает.

— Охлажденный токай, мсье Каплан?

— Я бы с удовольствием выпил «Оремус»⁴ тысяча девятьсот двадцать девятого, Даниэль.

¹ «*Volver*» — «Возвращение» (*volver*), аргентинское танго, лучшим исполнителем которого считается Карлос Гардель.

² Дворец призраков — музей призраков и легенд находится рядом с Карловым мостом, со стороны Малостранской улицы. Он посвящен мистическим персонажам и привидениям в истории Праги.

³ Бандонеонист — музыкант, играющий на бандонеоне, разновидности гармоники. Инструмент был назван по имени его изобретателя — Генриха Банда. Поначалу использовался для исполнения духовной музыки в церквях Германии.

⁴ «Оремус» — сейчас самый знаменитый производитель токая. Это вино подавали при дворе в Версале. Восхищенный вкусом изысканного напитка, Людовик назвал его «вином королей, королем вин».

Они сидели в молчании и ждали, когда их обслужат. Йозеф любовался богатым орнаментом сводов в стиле ар-деко. Эдуард с видом знатока пригубил золотистое вино, закрыл глаза, выдохнул и сказал:

- Божественный вкус...
- Не знал, что ты бываешь в таких местах.
- Ты многого обо мне не знаешь.

У Эдуарда были грандиозные планы. Он собирался снять еще одну квартиру на своем этаже. Старуха-домохозяйка мадам Маршова селила у себя только врачей и дантистов, она обожала Каплана-старшего — тот лечил ее застарелый ишиас — и пришла в восторг от перспективы заполучить в жильцы новоиспеченного врача, хотя не видела Йозефа целую вечность.

Эдуард считал, что однажды — о, конечно, не сразу! — он передаст сыну свою практику, и эта мысль согревала ему сердце. Йозеф без долгих проволочек положил конец этим мечтам. Он хотел продолжить учебу.

- Чем именно ты намерен заниматься, сын мой?
- Наукой, папа.

«Господь милосердный, ну почему с детьми так трудно?!» — подумал удрученный Эдуард, но улыбнулся сыну, как будто идея показалась ему замечательной.

Йозеф отказывался знакомиться с девушками из «хороших» еврейских семей — он не желал жениться и создавать семью. Манерно-робкие девицы казались ему скучными и предсказуемыми, они являли собой уменьшенную копию своих мамаш, и, когда Эдуард приглашал одну из них в дом, Йозеф забавы ради говорил за столом всякие нелепицы, чтобы шокировать претендентку.

Он провоцировал преподавателей, обещая, что после победы революции лично проследит, чтобы их расстреляли, участвовал в демонстрациях против правительства, к слову сказать, вполне умеренного, раздавал листовки у хоральной синагоги, требуя легализации аборт (раввинат даже подал на него жалобу).

В те времена люди, оскорблявшие общественную нравственность, могли нажить серьезные неприятности. Отчаявшийся

Эдуард решил, что Йозеф должен покинуть страну, и послал его в Париж: пусть изучает биологию в лучшем университете мира.

Йозеф уехал, ни с кем не простившись, и очень скоро забыл свою подружку Терезу. Проведя два дня в поезде, он высадился на другой планете. По сравнению с бурлящим жизнью Парижем Прага показалась ему унылым, тесным, провинциальным городом, пропахшим нафталином. В Париже Йозеф жил как на вулкане. Веселые гулянки чередовались с пламенными митингами, на которых звучали клятвы изменить мир и бороться за свои идеи до победного конца. Политическая активность не мешала Йозефу работать, танцевать до зари и заводить новых друзей.

Он снял комнатуху для прислуги на улице Медичи, окнами на Люксембургский сад, и одним прекрасным утром приютил в своем жилище Марселена, нищего студента-юриста, анархиста и бонвивана, мечтавшего защищать угнетенных. Он зарабатывал на жизнь, исполняя партию второго аккордеона в дансингах парижского предместья Плесси-Робинсон и кабачках Жуанвиля, утверждал, что ява — лучший танец на свете, и изумительно играл танго Гарделя. Семья Марселена жила в Кале, но он давно и окончательно порвал все отношения с «этими буржуа».

Подружки Йозефа не понимали, когда он спит.

— Нет времени! — бросал он и мчался в больницу Биша, где был экстерном в отделении инфекционной патологии.

Патрон Йозефа решил, что ему совершенно необходимо прослушать курс лекций по микробиологии в Институте Пастера, и Эдуард согласился оплатить расходы:

— Я сделаю это с превеликим удовольствием.

Дополнительная нагрузка оказалась почти непомерной, но Йозеф был готов на все, чтобы попасть в святая святых. С ноября по март он каждый день после обеда отправлялся в знаменитую лабораторию, располагавшуюся на втором этаже южного

крыла института, непосредственно над отделением по борьбе с бешенством, которое обустроил лично Ру¹.

Курс, на который записался Йозеф, был создан словно бы специально для него — мало теории и очень много практических работ: подготовка питательных сред, посев, изучение культур под микроскопом, микробное окрашивание, инокуляция², вскрытие инфицированных животных, выделение возбудителей. Друг Пастера и один из отцов биохимии доктор Дюкло³ утверждал, что бактериология начинается с ручного труда, более важного, чем работа мозга. Йозеф выделялся своим прагматизмом, результативностью в лабораторных работах и получал самые высокие оценки.

Пять месяцев он был занят сутки напролет, не успевал ни обедать, ни ужинать, съедал пирожок в автобусе и спал до конечной остановки. Он был счастлив и совершенно уверен, что нашел дело своей жизни.

В апреле лекции закончились, и Йозеф нашел себе место лаборанта у Легру, занимавшегося исследованием смертоносной бациллы лошадиного сапа.

Как-то раз, вернувшись домой под утро, Йозеф застал одну из своих подружек в объятиях Марселена, удивился, но сцену устраивать не стал, а расхохотался, чем ужасно удивил и друга, и изменщицу.

Йозеф презирал ревность, как и любую другую форму собственности.

Он всегда настаивал на своей правоте, был виртуозным полемистом, говорил с раскатистым акцентом уроженца Богемии и то и дело с кем-нибудь скандалил, а то и дрался.

— Сейчас чужак тебе покажет! — выкрикивал он и кидался на собеседника, стараясь попасть кулаком по носу.

¹ *Пьер Поль Эмиль Ру* (1853–1933) — выдающийся французский бактериолог, начинал ассистентом Луи Пастера. Работал над созданием вакцин против бешенства, дифтерии и столбняка.

² *Инокуляция* — прививка какого-либо ослабленного болезнетворного яда с целью предохранения от заболевания той или иной болезнью.

³ *Пьер Эмиль Дюкло* (1840–1904) — французский физик, химик и биолог. В 1862 г. был принят Пастером в его лабораторию препаратором.

Йозеф часто попадал в полицию за потасовки и пьянство, но у инспекторов было много более серьезных забот, чем ссоры между студентами.

За несколько месяцев Йозеф убедился, что мечты могут стать реальностью. Правительство Народного фронта¹ пришло к власти. Но буржуазия не хотела расставаться со своими богатствами и не собиралась сдаваться без борьбы.

Для обеих сторон это был вопрос принципа, а не только денег. Кто возьмет верх, кто навязет свои правила и законы другому? Улица бурлила, люди выходили на митинги, занимали заводы. Страна замерла. В начале июня началась всеобщая забастовка.

Франция оказалась на пороге гражданской войны.

В конце концов хозяева предприятий сдались — повысили зарплаты, согласились на сорокачасовую рабочую неделю, два выходных, помесячные выплаты, заключение коллективных договоров, оплачиваемые отпуска, и победителей охватила огромная, почти неприличная, мстительная радость: богачи сдались, подавились собственной спесью. Многим это показалось невероятным, немислимим. Оказывается, можно не ждать лучшей жизни в загробном мире — она достижима на земле, принцип «кто был ничем, тот станет всем» действует.

Проучившись в Париже год, Йозеф должен был вернуться в Прагу и отпраздновать свой успех с отцом, поговорить о будущем, провести время вместе, но сыновняя почтительность отступила на задний план перед чувством иного рода. Дело было не в политических обязательствах и даже не в любовной страсти, оправдывающей любую низость: Йозеф пренебрег отцом по другой причине.

Ему просто не захотелось ехать.

Двадцатилетний мужчина поступил как эгоистичный подросток. Он пришел к выводу, что любовь — не абсолют, что она поддается количественному определению по шкале от од-

¹ Правительство, пришедшее к власти в 1936 г., было основано на широкой коалиции левых политических сил. Просуществовало до 1938 г., приняв ряд значимых законов.

ного до десяти. Вопрос лишь в том, какой сокровенный уголок человеческого сердца включается в работу, если запас любви недостаточен?

Йозеф сообщил отцу, что намерен отправиться в Шотландию с друзьями-однокашниками, и Эдуард не выказал недовольства или обиды.

— В добрый путь, желаю тебе хорошо провести время, — сказал он и перевел сыну телеграфом внушительную сумму.

Марселен познакомил Йозефа с Эрнестом, и они сразу стали закадычными друзьями. Все годы, вплоть до 1934-го, Эрнест был шофером Гарделя, когда тот приезжал в Париж. Стоило угостить его парой стаканчиков, и он начинал рассказывать, каким бесконечно мягким и нежным человеком был Карлос, как он очаровывал всех на съемочной площадке в Жуанвиле (режиссер иногда даже забывал крикнуть: «Снято!»). Съемки длились бесконечно: постановщик не стеснялся хитрить, чтобы еще раз послушать только что отзвучавшую песню, например, говорил: «Снимем еще один дубль — мне не понравилось, как был выставлен свет». Карлос все понимал, но с радостью повторял номер. Именно в Жуанвиле родилась легенда о том, что каждую новую песню Гардель поет лучше предыдущей.

После гибели Карлоса в той проклятой авиакатастрофе Эрнест запил и не переставал оплакивать своего кумира. Он был доверенным лицом великого певца и клялся всем святым, что Гардель — настоящий француз, родился в Тулузе, а в Аргентину его увезли в два года. Однажды вечером Карлос якобы признался ему, что называет себя аргентинцем только из-за матери: она ужасно боялась, что его заберут на войну, а он не хотел причинять ей боль.

— Это истинная правда, Йозеф. Угости меня еще одним стаканчиком, и я расскажу, как Карлос придумал танго.

Йозеф свято следовал принципу, гласящему, что днем следует работать, а ночью развлекаться, его не пугали ни дождь, ни холод, прогонявший с улиц обывателей и демонстрантов, ни

даже пустые карманы в конце месяца. Он мог пересчитать на пальцах одной руки те разы, когда ложился раньше трех-четырех утра (в основном это случалось накануне экзамена), а потом без малейшего труда вставал в семь часов и отправлялся в университет. Его считали своим «Падающие звезды», эта банда прожигателей жизни состояла из студентов фармацевтического и медицинского факультетов, «мальчиков» из хороших семей (изгнанных за разврат и пьянство), слегка помятых, но уцелевших бывших игроков, денди, художников, ищущих свой путь в искусстве, и вечных студентов, успевших забыть, на какой факультет они когда-то записались. Все они считали, что мир однажды разлетится ко всем чертям и нужно успеть взять от жизни все.

Они давали зарок: «Останемся свободными или умрем, не попадемся на крючок ни коварной содержанки, ни юной обольстительницы!» Божественные создания сладко улыбаются, но хотят одного — найти мужа и привязать его к себе на всю жизнь.

Они не повторяют ошибок своих отцов.

Каждый раз, когда один из них «попадался» (на всякого мудреца, как известно, довольно простоты, все рано или поздно сдаются на милость победителя), они отказывались идти на свадьбу и повторяли «обет безбрачия».

Йозеф был до невозможности элегантен, говорил с чарующим акцентом, заразительно смеялся, набриолиненные волосы разделял идеальный пробор, и он легко покорял сердца дам и девиц, которые ужасно скучали, сидя на банкетках, пока их спутники предавались бесконечным спорам о Народном фронте, трагедии войны в Испании и усилении позиций фашистов. Женская половина общества не то чтобы совсем не интересовалась политикой, но, право, нельзя же без конца мусолить эти темы! А вот Йозеф танцевал. Танцевал так, словно сам изобрел вальс. Отбросив условности и наплевав на то, «кто что подумает», женщины его «ангажировали».

В первый раз Йозеф удивился. Дама не должна приглашать на танец незнакомого кавалера (так поступают только испорченные женщины).

Ему льстило, когда красавица направлялась через зал к его столику, иногда проходила мимо, не решившись на отчаянный поступок, но потом возвращалась и просила потанцевать с ней. Разговоры стихали, он вставал и молча вел ее на дорожку, чтобы закружить в вальсе или танго. Профессионалки, сутенеры и жиголо расступались, давая им место. Оркестр бисировал, чтобы насладиться воплощенной в танце музыкой. В объятиях Йозефа самая грузная и неповоротливая партнерша становилась воздушной, девушки из лучших семей жаждали повальсировать с «этим чехом», укрепляя его репутацию донжуана.

Между тем Йозеф вовсе не был завзятым соблазнителем. Возможно, реши он познакомиться с девушкой на улице, у него ничего бы не вышло, но в дансинге вся его природная застенчивость куда-то улетучивалась. После танцев он приглашал одну из партнерш в свою комнатуху и практически не знал отказа. С Марселем у них была джентльменская договоренность: пришедший первым получал в свое распоряжение час времени, после чего уступал место товарищу (тому полагалось принести с собой свежеиспеченный багет).

«Любовь втроем» они не практиковали.

Как только умолкал аккордеон, к Йозефу возвращалась привычная мужская увертливость. Ни одной девушке не удавалось завязать с ним сколько-нибудь длительных отношений. На робкое предложение увидеться снова, покататься на лодке в Булонском лесу или сходить в кино он отвечал, что его ждут в больнице, нужно заниматься диссертацией, ходить в Институт Пастера, пересевать культуры, так что — увы, увы, увы... Следующей ночью Йозеф отправлялся танцевать в другое место.

В моде были эмансипация, борьба за избирательные права женщин и изгнание из дансингов явы. Йозеф осознал, что дело не только в политических требованиях: болезнь зашла очень глубоко, стала неизлечимой, как привычный вывих.

Подружки уже не так охотно уступали его желаниям.

Алиса швырнула в него ботинком, и только хорошая реакция спасла его глаз. Раз в три вечера (в среднем) он подвергал-

ся оскорблениям. Одетта обозвала его мерзавцем, Жермена — жестокосердным негодяем, Сюзанна — жалким типом, Николь — лицемером, Люси — двоедушным подлецом. Клозетта сказала, что он самый отвратительный из всех отвратительных мужиков, которых она встречала в жизни, а Жанна нанесла худшее из оскорблений, заявив, что он вонючий тухлый танцор-ришка. Роза сравнивала Йозефа со стервятником, другие девушки — с крысой, клопом и тараканом, а Жаклин, студентка философского факультета Сорбонны, — она была очень хорошенькая и стриглась под Луизу Брукс¹ — уподобила его Сарда-напалу² в миниатюре. Все они жаждали заклеить Йозефа презрением, но ни у одной ничего не вышло.

Воистину, впору перестать танцевать!

— Да что с ними со всеми такое, можешь объяснить? — спросил он у Марселена, после того как Ивонна, задыхаясь от ненависти, выкрикнула ему в лицо, что еще «никогда-никогда-никогда не встречала подобных гадов и тупиц».

Некоторые вопили, кричали, рыдали, били его по щекам, ждали под дверью, устраивали скандал, призывая в свидетели консьержку, но Йозеф и бровью не вел, и они, пожав плечами, исчезали из его жизни. Иногда он встречал экс-возлюбленных на вечеринке или в ночном клубе и не мог вспомнить, знакомы они или нет, приглашал девушку на танец, потом вел к себе, они предавались любви, она спрашивала: «Неужели ты меня не узнал?» — он отвечал: «Нет», и его в очередной раз обзывали хамом, нахалом, грубияном, свиньей и ничтожеством.

Все объяснялось очень просто: Йозеф не запоминал лиц. Это было его ахиллесовой пятой.

Он без труда выучивал содержание толстенных неудобоваримых медицинских трактатов, но очень быстро, через несколько недель, забывал лица подруг по плотским утехам.

¹ *Луиза Брукс* (1906–1985) — американская танцовщица, модель, актриса немого кино.

² *Сарданапал* — персонаж древнегреческой мифологии. Олицетворение праздности, роскоши и изнеженности.

Генассия Ж.-М.

Г 34 Удивительная жизнь Эрнесто Че : роман / Жан-Мишель Генассия ; пер. с фр. Е. Клоковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-34452-5

Это история о человеке, который прожил целый век, вот только век ему достался неизлечимо больной.

Перед молодым медиком Йозефом Капланом, звездой парижских дансингов, открывается дивное будущее: свободолюбивый Париж 1930-х кружит голову, медицина открывает двери. Жизнь забрасывает Йозефа в Алжир — он специализируется на тропических болезнях, лечит местных крестьян, борется с эпидемией чумы. Но он бессилен перед коричневой чумой, обескровившей Европу, и перед липкой атмосферой всеобщей слежки и подозрительности, которая сгущается у него на родине, в социалистической Чехословакии, после войны.

В ядовитой среде, где очутился Йозеф, не поддается коррозии разве что быстротечная радость дружбы и любви, а человек постепенно смиряется, затихает, сливается с толпой. Но однажды судьба сталкивает Йозефа с таинственным пациентом — латиноамериканцем, которого спецслужбы называют Рамоном, берегут как зеницу ока и ни на миг не выпускают из виду. Ему тоже достался неизлечимо больной век, и вдобавок очень короткий, однако Рамон предпочел прожить его иначе...

Жан-Мишель Генассия (р. 1950) довольно поздно пришел в большую литературу и со своим дебютным романом «Клуб неправых оптимистов» в 2009 году получил Гонкуровскую премию лицеистов. «Удивительная жизнь Эрнесто Че» — его второй роман, и глубиной, масштабом, пронзительностью и блеском он ничуть не уступает первому. Генассия пишет гигантскую фреску — головокружительную панораму, уходящую за горизонт, и многофигурную повесть о живых людях, которые многое видели и немало поняли. Проходит все, и ничто не проходит бесследно. Жизнь искрится, бурлит, трепещет, длится, длится, длится. История не останавливается, даже когда на мир опускается тьма.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ЖАН-МИШЕЛЬ ГЕНАССИЯ
УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ
ЭРНЕСТО ЧЕ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редакторы Мария Брусовани, Анна Ефремова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Корректор Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.08.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-BRM-43872-01-R